

Разброс сумм пожертвований был от рубля до нескольких тысяч. Больше всего жертвовали на убогих и престарелых – по сути дела, это та же самая милостыня, только в больших размерах.

Таким образом, можно сказать, что в Астрахани наибольшее распространение получили такие формы благотворительности, как богадельни и приюты, о причинах их «популярности» говорилось выше. Высок был и уровень развития различных благотворительных обществ.

Благотворительность получила в городе широкое распространение, так как она отвечала этическим и моральным нормам того времени, но, кроме благотворителей, были и меценаты, хотя меценатство не было так развито, как благотворительность, у него были свои особенности и своя история.

Несмотря на многообразие различных учреждений и обществ, их количество было явно недостаточно для решения всех насущных социальных проблем. Их сил хватало только на оказание помощи в вопиющих ситуациях, но не существовало резервов для осуществления и внедрения различных превентивных программ. Это приводило только к росту числа нуждающихся. Вынужденное выполнение долгосрочных бесперспективных программ в совокупности со слабым финансированием грозили закрытием многих учреждений как общественной, так и частной благотворительности.

С.К. Гогель в 1914 г. охарактеризовал настоящее положение дел в сфере благотворительности так: «Приступая к общему обозрению нашего общественного призрения, нельзя, к сожалению, не сказать, что положение этого призрения может быть и ныне охарактеризовано словами покойного Статс-секретаря К.К. Грота, председателя комиссии для пересмотра законодательства о призрении бедных, сказанными в 1893 г.: «призрение не имеет у нас соразмерности ни в действиях своих, ни в средствах, ни, наконец, единства в целях». Концепция создания четкой структуры в деле общественного призрения и организованной благотворительности была во многих аспектах нова для России. Позднее формирование системы земских органов благотворительности, в частности, в Астрахани, также имело негативные последствия. Устаревшие Приказы общественного призрения уже не могли справляться с насущными потребностями нуждающихся.

Отсутствие системности в области благотворительности и общественного призрения, несогласованность в действиях различных благотворительных учреждений и обществ, вытекавшая из этого бесконтрольность в оказании помощи приводили к тому, что до истинно нуждающихся помощь так и не доходила.

¹ См.: *Народы* Европейской части СССР. М., 1964. С. 326.

² *Обзор* Астраханской губернии за 1888 г. (приложение ко всеподданнейшему отчету). Астрахань, 1888. С. 75–77.

³ ГААО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 15. Доходы и расходы Приказа общественного призрения. Л. 1–5.

⁴ Там же. Д. 397. Л. Губернский статистический комитет.

⁵ Астраханские губернские ведомости. 1863. № 12.

⁶ *Памятная* книжка Астраханской губернии на 1915 г. Астрахань, 1916. С. 110–111.

⁷ *Отчет* правления Астраханского благотворительного общества за 1-е двадцатилетие его существования (7.11.1869–8.11.1894). Астрахань, 1895. С. 5–10.

ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ РУСОВ НА КАСПИЙ В X в.: «РУССКОЕ КНЯЖЕСТВО НА КАСПИИ» 943–945 гг.

**П.Л. Карабущенко
(Россия, г. Астрахань)**

Походы русов на Каспий в первой половине и в середине X в. стали зримым фактором влияния Севера на политическую и экономическую ситуацию Юго-Западной части этого региона. Но эти походы стали и самыми загадочными во всей истории средневековой Руси. Загадочными потому, что больше таких походов (таких

размеров) Русь уже на Каспий (Хвалынское море) не совершала.

1. Русско-хазарские отношения в первой половине X в. В первой половине X в. русские дружины неоднократно совершали свои военные походы на Каспий и прилегающие к нему территории. Как пишут исследователи этого вопроса, русы «своими мощными ударами по арабским странам Каспия в 880, 909, 910, 913 и 943 гг. объективно помогали хазарам устоять не только против арабского продвижения, идущего с юга Каспия на север, но и против самого русского продвижения на Каспий, потому что эти удары, в сущности, приводили к укреплению Хазарского каганата. В самом деле, хазары, пропуская русских на Каспий, получали не только половину добычи, но, что гораздо важнее, не пролив ни капли крови, наносили такие страшные удары мусульманам Каспия, от которых те долго не могли оправиться. Таким образом, анализ русско-арабско-хазарских отношений на Каспии показывает, что русские, очередной задачей которых являлось уничтожение Хазарского каганата как государства, сами укрепляли его, нанося тяжелые удары злейшим врагам Хазарии – мусульманам. Для мусульман же Каспия русские были такими же врагами, как и хазары»¹.

Л.Н. Гумилев слишком преувеличивает политическую роль и влияние Хазарии на Русь. Он связывает молчание «Повести временных лет» с внешнеполитическими катастрофами Руси, в то время как «темное время» могло быть вызвано и внутривнутриполитическими катаклизмами, о чем в первую очередь говорит крайне запутанная генеалогия великокняжеской власти. Абсолютизируя внешнеполитический фактор, Л.Н. Гумилев совершенно упускает из вида сложность и противоречивость процесса объединения славянских земель под властью великого князя. В его глазах Хазария выступает в роли ужасной химеры, безжалостно покоряющей своей воле все соседние этносы. Жертвой иудейской Хазарии оказалась и Русь, во время правления князя Игоря потерпевшая от нее серьезное военное и моральное поражение². Геополитическая обстановка в этом регионе в первой половине X в. ознаменована военно-политическим противостоянием Византии, Руси, Хазарии, Алании и мусульманских стран Каспия. Союз Хазарии с Аланией обеспечивал равновесие сил в бассейне Каспийского моря, а появление здесь русов вносил свои существенные координаты в расстановку политических сил. Но вначале несколько слов об алано-хазарских отношениях.

Алания (Северный Кавказ) занимала выгодные торговые пути от Черного моря к Каспийскому. Поэтому она всегда была вынуждена маневрировать между Византией и Хазарией. В начале X в. позиции Византии в Алании значительно укрепились. «Дружеские отношения» «владельца Алании» и императора ромеев (Византии) вылились в крещение алан³. Но эта дружеская связь Византии с Аланией продолжалась недолго. Инициатором крещения алан был патриарх Николай Мистик (ум. 925), а посредником между аланами и византийцами тогда выступил абхазский царь Георгий (921–925). Крещение могло произойти между 921 и 925 гг. Но уже в 932 г. греки были изгнаны из Алании. Масуди писал, что в 320 (932) г. аланы отреклись от христианства и прогнали епископов и священников, которых они (раньше) приняли и которых к ним отправил царь греков⁴.

Причиной этой перемены отношения к Византии стали сами греки. Посчитав свои позиции в Алании достаточно прочными, они спровоцировали войну алан с хазарами. В «Кембриджском документе» говорится, что во времена хазарского царя Аарона была крупная война с Аланией, которую подстрекал к вражде с Хазарией царь ромеев. Во время этой войны (930–932 гг.) Аарон нанял против алан турок или торков (гузов), которые и разгромили войска алан, а самого их правителя взяли в плен и доставили в Итиль. «И оказал ему [пленнику Аарон большой] почет и взял дочь его в жены своему сыну Иосифу. Тогда [обязался] ему аланский царь в верности, и отпустил его царь Аарон [в свою землю]. И с того дня напал страх перед хазарами на народы, которые [живут] кругом их. [Также и] во дни царя Иосифа... (40–60-е гг. X в.) (аланский царь) [был ему подмогой]...»⁵ Одним из условий алано-хазарского «мирного» договора как раз и мог стать разрыв политических и религиозных отношений с Византией⁶. Это означало, что Хазария полностью обезопасила

свои юго-западные границы. Насколько этот союз был серьезным можно судить по настойчивым попыткам василевса Константина Багрянородного (912–959) рассорить алан и хазар и сделать из первых «наемную стражу империи».

Геополитическое положение Северного Каспия и Северного Кавказа усложнялось еще и присутствием русов, которые являлись «пятой силой» в этом политическом хитросплетении. По всей видимости, славянский элемент и ранее 880 г. проникал в этот регион. Во всяком случае, согласно «Повести временных лет», уже в 885 г. радимичи по настоянию князя Олега перестали платить дань хазарам. Следовательно, их контакты имели место гораздо раньше указанной выше даты.

Особенно участились походы русов на Каспий в начале X в. (909, 910 и 913 гг.). Годы эти приходятся на время правления князя Олега (879/882–911/913). Верный себе Л.Н. Гумилев считает, что молчание летописца Нестора об этих событиях свидетельствует, что в эти годы князь Олег не побеждал, а был данником Хазарии. «Очевидно, – пишет Гумилев, – киевские варяги стали поставлять хазарскому царю «дань кровью». Они посылали подчиненных им славяно-русов умирать за торговые пути рахдонитов»⁷. Столь смелое предположение плохо накладывается на общий фон русско-хазарских отношений того времени, так как Гумилев абсолютизирует два фактора: власть варягов на Руси и геополитическое влияние Хазарии на русское государство.

Между тем походы русов на Каспий показывают, что они действовали не как вассалы-данники, а как наемники. Их походы были в основном направлены против мусульманских государств Каспия, – злейших врагов Итиля. О том, что русы в 909, 910 и 913 гг. были наемниками, свидетельствует трагический финал последнего их похода. Обратимся к тексту Л.Н. Гумилева. В своей книге «Древняя Русь и великая степь» он пишет:

«В 900 г. Исмаил Самани разгромил шиитское государство Алидов в Южном Прикаспии. Но местное население Гиляна, Дейлема и Мазадарана, никогда не подчинявшееся чужеземцам, укрылось в горных замках, и власть Саманидов в Табаристане была непризнанной. До тех пор пока дейлемитов с юга прикрывали горы Эльбруса, а с севера – Каспийское море, они могли держаться, так как ни Саманиды, ни хазары не имели своего флота. Но в 909 г. на море появились ладьи русов, разгромивших остров Абаскун. На следующий год русы напали на Мазадаран, но потерпели поражение и ушли. В 913 г. огромный флот – 500 кораблей – с разрешения хазарского царя Вениамина вошел в Каспийское море и подверг грабежу побережья Гиляна, Табаристана и Ширвана. Естественно предположить, что русов просто пригласил царь Вениамин для расправы с разбойниками-горцами. Русы сразились с гилянцами и дейлемцами, видимо, без больших успехов, а затем напали на Ширван и Баку, где сидели Саджиды, правители, поставленные халифом, сунниты и, следовательно, друзья хазар, и здесь развернулись со свирепостью, свойственной их скандинавским вождям»⁸.

Можно предположить, что походы 909 и 910 гг. были совершены одной и той же военной «командой» русов, а это значит, что русы впервые зимовали на Каспии. Поход 909–910 гг. проходил в два этапа: в первый год русы выполняли заказ своего «работодателя» (Хазарии), а во второй – «работали» уже на себя.

В 913 г. поход русов на Каспий шел традиционным водным путем по маршруту «Дон – Итиль – Каспий». Согласно Масуди, общая численность русских войск составляла 500 судов и от 20 до 50 тысяч воинов⁹. Ошибкой русов было то, что они на Каспии обидели друзей Хазарии, то есть не тех «повоевали». Это обстоятельство лишний раз доказывает, что русы на Каспии действовали как наемники Итиля, а не как его данники, т.к. они были свободны в выборе способа добывать свою долю добычи. «Набрав много добычи, – продолжает далее Л.Н. Гумилев, – русы вернулись в Итиль, послали хазарскому царю условленную долю и остановились на отдых. Тогда мусульманская гвардия хазарского царя потребовала от него разрешения отомстить русам за кровь мусульман и за полон женщин и детей. Царь разрешил, и в трехдневной битве утомленные походом русы потерпели поражение. Число погибших исчислено в 30 тыс. человек. В плен не брали. Остатки русов бежали по Волге на север, но были истреблены буртасами и булгарами. Очевидно, варяжская неуместная инициа-

тива вызвала расправу со стороны хазарских мусульман, тем более что разгром врагов Дейлема настолько облегчил положение шиитов, что в 913 г. они освободились от власти Саманидов и вытеснили последних из Гиляна и Табаристана»¹⁰.

Расправа хазар над русами в 913 г. – еще одно свидетельство того, что русы выступали на Каспии в качестве наемников Итиля. Во всяком случае, Итиль обошелся с русами именно как с наемниками. Платя воинам большое жалование, хазарское правительство предъявляло им оригинальное требование: войскам запрещалось терпеть поражение. Невыполнение боевого задания, то есть бегство от противника или поражение, каралось смертью¹¹. С точки зрения Итиля, русы были виновны в неудачном походе и по закону понесли наказание.

По всей видимости, Хазария приглашала русов именно в качестве военноморского флота, так как своим флотом она не располагала. Арабский историк Масуди (ум. 956/7), описывая события 943–947 гг., сообщает, что хазары потому пропускали русских на Каспий, что «царь хазарский не имеет судов и его люди непривычны к ним; в противном случае мусульмане были бы в великой опасности с его стороны [Выделено мною. – П.К.]»¹². Поэтому приход русов в регион Каспийского моря мог быть следствием дипломатической работы между Хазарией и Русью.

Л.Н. Гумилев справедливо отмечает, что ареал диргемов с куфическими надписями в 883–900 гг. доходил до восточной границы Русской земли (то есть ими пользовались северяне, находившиеся в сфере влияния Хазарии), но после 900 г. диргеми появляются вкладах Русской земли. Гумилев считает, что это свидетельствует о включении Руси в экономическую систему Хазарии, т.к. эти «диргеми не военная добыча, потому что победы всегда бывают отражены в летописях. Это оплата за услуги на Каспийском море в 909–910 гг., то есть за кровь славяно-русских богатырей, пролитую ради чужих интересов.., за предательство, совершенное царем Вениамином в 913 г., которое осталось безнаказанным, и за многое такое, что современники постарались не заметить, а потомки забыть. Поводов для восхваления Олега Вещего нет»¹³.

Мы охотно можем согласиться с Гумилевым в том, что арабские монеты вкладах русской земли начала X в. могут быть платой Хазарии за походы русов на Каспий, но это лишний раз подтверждает нашу гипотезу о том, что Хазария нанимала русов, что в корне противоречит основной позиции самого Льва Николаевича. Особенно сильные сомнения вызывает вина князя Олега за эти неудачи на Каспии. То, что эти походы не попали на страницы «Повести временных лет» (а точнее – были из нее впоследствии выброшены из-за ненужности), свидетельствует о том, что центральная (великокняжеская) власть никакого касательства к ним не имела. Они могли совершаться князьями (военачальниками) неподвластных Киеву территорий. А так как «Повесть временных лет» есть великокняжеская история, то истории поместных князей в ней отражены постольку, поскольку в них принимали участия великие князья (как, например, история древлянской земли). По всей видимости, князь Олег вообще не имел никакого отношения к этим экспедициям, что еще раз указывает на то, что ходившие на Каспий русы были наемниками Хазарии с которыми она расплатилась по-своему. Местные князья вполне могли вести себя самостоятельно в качестве наемников, то есть «зарабатывать на стороне» в свободное от службы время. Это была их инициатива. Однако, есть одно весьма существенное «но». Ближайшие к Хазарии славянские (русские) земли северян и радимичей (которые до Олега были данниками Хазарии) могли и не иметь такого мощного флота, какой был необходим для совершения морского похода на Каспий. Тем более что эти племена были недавними данниками Хазарии, и обращаться за помощью к своим бывшим подчиненным было не совсем уместно с политической точки зрения. Следует искать такое племя славян, которое, во-первых, могло безболезненно для себя выставить достаточно большое число воинов и, во-вторых, посадить это войско на суда. Таким племенем вполне могли быть... новгородцы.

Какие у нас есть на это основания? Русские купцы давно использовали Волгу в качестве главного маршрута в своей торговле с южными странами. Согласно Ибн Фадлану, русы уже досконально освоили волжский маршрут и имели свои постоян-

ные «базы» (о чем, в частности, свидетельствует наличие деревянных идолов, «кумиров» на местах их традиционных стоянок)¹⁴. Таким образом, Волга соединяла «путь из варяг в персы», а точнее в «Индию»: «Балтика – Нева – Волга – Каспий – Персидский залив». Новгородским князем в это время, по данным «Повести временных лет», был Игорь Рюрикович (879?, 911/913–945), который, возможно, и является организатором и участником всех этих каспийских экспедиций. Что нас заставляет так думать? В русских былинах есть одна история, которая случилась именно с новгородцами и как раз на Каспии. Это былина о купце Садко.

Былина повествует о том, как новгородский купец Садко на 30 торговых кораблях отправился в дальние заморские страны. Логично было бы предположить, что пройдя по Волхову на Ладогу, а оттуда по Неве он должен был попасть на Балтику и выйти к берегам Западной Европы. Но в тексте после упоминания о реке Неве встречается некая географическая несуразица:

«А как ехал он по синю морю,
Как тут завернул он в Золоту орду;
Как там продавал он товары новгородские
И получал он барыши великие:
Как насыпал он бочки-сороковки красным золотом,
Насыпал он много бочек да чистым серебром,
А еще насыпал он много бочек крупным скатным жемчугом,
А потом поехал он из Золотой орды;
Как выехал опять да на сине море –
Как на синем море встали да черны корабли:
Как волной-то бьет и паруса-то рвет,
И как ломает черны корабли –
А все с места не идут черны корабли!»¹⁵

В былине ясно упоминается наследница Хазарии Золотая орда, и море, с царем которого встретился Садко¹⁶, находится в районе его основной торговли. Море это не Балтика, а Каспий! Это через Каспий Садко пытался пробраться в сказочную Индию. Прежде чем русские военные экспедиции в 909–910 и 913 гг. появились у берегов южного Каспия, путь этот был уже разведан до них новгородскими купцами. Поэтому русы, наемники из Новгорода, вполне могли плавать в акватории Каспийского моря и при этом не попадать в поле зрения «Повести временных лет», поскольку они плавали, так сказать, «вдали от великокняжеской власти». Это была «новгородская вольница», больше всего известная под более поздним именованьем «ушкуйники». Такое объяснение нам кажется более логическим, тем более, что спустя всего лишь одно поколение русы вновь появились на Каспии. И это могли быть выросшие сыновья тех, кто в 909–910 и 913 гг. ходил за «зипунами» на Хвалынское море, то есть появилась некая традиция. Но об этом речь впереди.

2. «Каспийская Тматорокань», 943–945 гг. Центральным историческим эпизодом этой части нашего рассказа, будет поход русских дружин на Бердаа в 943 г. Несмотря на наличие довольно значительного и разнообразного круга источников о походе русских на Бердаа в 943 г., в науке до сих пор не выяснены отношения Руси с мусульманскими государствами Каспия в это время, и даже вопрос об отношении хазар к этому походу¹⁷. О русском походе на Бердаа в 943 г. долго помнили на Востоке. Этот поход заставил говорить о себе не только современников, живших поблизости от Бердаа, но и авторов, писавших столетия спустя после этого похода и живших далеко от Азербайджана¹⁸.

Поход 943 г. отличался от всех предшествующих русских экспедиций на Каспий. Он предельно характеризует русско-византийско-хазаро-алано-мусульманские отношения того времени. По всем данным этот поход русы совершали в союзе с буртасами, хазарами и аланами, по ставшему уже традиционным маршруту «Дон – Волга – Каспий»¹⁹.

Интересные сведения о русском походе на Каспий в 943 г. содержатся в знаменитой поэме Низами Гянджеви (ок. 1141 – ок. 1209) «Искандер-наме» (ок. 1203)²⁰. Низами сообщает: «Русские, жаждущие войны, пришли ночью из стран алан и греков

(герков, или арков), чтобы на нас напасть, как град. Так как они не смогли пробиться через Дербент и его окрестности, они отправились в море на судах и совершили нападение»²¹. Далее Низами продолжает: «*Кинталь*, который шел во главе руссов, заметив, что небо принимает зловещий вид, собрал войско в семи провинциях, зависевших от России (буквально: семь Россий), из коих он как бы сделал семь молодых невест. Его войско, составленное из пертасов (буртасов), алан и хазар, образовало поток, обширный, как океан, и внушительный, как гора. Вооруженные мечами и панцирями, оно устремилось по странам, лежащим между областью Ису и степью Кефтшак (Кипчак)»²².

Данный отрывок позволяет нам судить о том, что поход 943 г. проходил не по одному, а как минимум по двум маршрутам: русы и хазары шли на Каспий по Дону и Волге, а аланы через Кипчакские степи. Их встреча, по-видимому, должна была произойти около Дербента. Именно там русы, хазары и аланы и образовали «обширный, как океан, поток». Однако взять Дербент союзным силам тогда не удалось. Его правитель Дувал (ум. 943/4) оказал ожесточенное сопротивление, так что сухопутные войска союзников не смогли пройти через его окрестности на юг. Тогда сухопутные силы агрессоров были погружены на суда и переправлены морем, минуя Дербент, к Бердаа.

По-видимому, главной целью военной экспедиции на Каспий 943 г. был именно Дербент. Во всяком случае, он был главной целью для хазар, так как еврейско-хазарская переписка X в. указывает на вражду Хазарии именно с Дербентом²³. У Масуди имеется известие, что правитель Ширвана Мухаммед бен Иезид, овладев в следующем 944 г. Дербентом и другими областями, велел выстроить в городе стены. Академик Б. Дорн полагал, что «он принял эти меры после вторжения русских в Дербент – начало его правления относится приблизительно к 944 году, – чтобы обеспечить себя от подобных неожиданных нападений»²⁴. Однако возникает вопрос: а как же тогда Дувал выдержал осаду русско-хазаро-аланских войск? Видимо, стены Дербента пришли в ветхое состояние или были разрушены войсками самого бен Иезида при штурме города. Тогда получается, что Дувал погиб в войне с мусульманами Ширвана, а не с неверными пришедшими с севера! Могло ли быть такое? По всей видимости, нет. По Каспию только что прокатилась «антиисламская война», и предполагать, что одно мусульманское государство этого региона спустя всего лишь год пойдет войной на другое, практически нелепо. Следовательно, остается одно верное предположение: союзным войскам северян все-таки удалось взять Дербент в результате длительной осады, и Дувал погиб именно во время его падения.

И в самом деле, русы не могли переправить все сухопутные силы «северян» на своих судах, если оно было столь многочисленным. Тем более что со стратегической точки зрения было опасно оставлять в своем тылу вражескую цитадель. Что мы на основе этих замечаний можем предположить? Хазарам важнее было разгромить именно Дербент, и их союзники – вассалы буртасы и аланы – должны были им в этом помогать до конца. Поэтому мы вправе считать, что хазары со своими вассалами могли (и должны были) остаться под стенами Дербента, осаждая город, а нанятые ими русы вполне могли отправиться за обещанной им добычей: ведь по договору русы должны были передать хазарам половину своей добычи, то есть Дербент; тогда их собственной долей должен был стать Бердаа. При этом важно отметить, что русы были единственными союзниками хазар, в отличие от их вассалов, алан и буртасов. Примечательно и то, что в описании непосредственных событий в Бердаа русы действуют самостоятельно, без своих только что бывших рядом союзников. Итак, более 20 тысяч²⁵ русов на своих кораблях подошли к азербайджанскому городу Бердаа.

Действительно, под стенами Бердаа русы оказались почему-то без своих союзников, что лишний раз подтверждает осаду хазарами Дербента «своими силами». Данное объяснение выглядит вполне логично, т.к. русы пришли на Каспий действительно за своей добычей. Но в дальнейшем в их планах что-то изменилось. И это «что-то» является весьма существенным моментом всей этой истории.

Появление русов в Арране (Азербайджан) было полной неожиданностью для его жителей, так как те были уверены в том, что «северяне» все еще осаждают Дер-

бент. Как пишет Л.Н. Гумилев, «русы при высадке разбили войска правителя Аррана Марзубана ибн-Мухаммеда и взяли город Бердаа на берегу Куры. Мараубан блокировал крепость, и в постоянных стычках обе стороны несли большие потери. Однако страшнее дейлемских стрел и сабель оказалась дизентерия. Эпидемия вспыхнула в стане русов. После того как в одной из стычек был убит предводитель русов, они пробились к берегу и уплыли обратно в Хазарию»²⁶. Л.Н. Гумилев несколько сумбурно излагает детали этого похода, поэтому такими же сумбурными являются и его выводы о нем. Но об этом чуть позже.

Поход русских войск на Бердаа в 943 г. качественно отличался от всех прежних русских набегов на Каспий, предпринимавшихся исключительно с целью грабежа и захвата добычи. Последний грабительский набег зафиксирован в 913 г. Поход 943 г. был завоевательным походом²⁷. Об этом свидетельствуют несколько фактов, имеющих в рассказе Ибн Мискавейха о походе на Бердаа: войдя в город, русы «сделали в нем объявление, успокаивали жителей его и говорили им так: *«Нет между нами и вами разногласия в вере [Выделено мною. – П.К.]»*²⁸. Единственно, чего мы желаем, - это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас - хорошо повиноваться нам». Поступили со всех окрестных земель к ним (русам) мусульманские войска. Русы выходили против них и обращали их в бегство. И было не раз так: вслед за ними (русам) выходили и жители Бердаа, и, когда мусульмане нападали на русов, они кричали «Аллах велик!» и бросали в них камнями. Тогда русы обратились к ним и сказали, чтобы они заботились только о самих себе и не вмешивались в отношения между властью и ими (русам). *И приняли это во внимание люди, желающие безопасности, главным образом эта была знать [Выделено мною. – П.К.]*. Что же касается простого народа и большей части черни, то они не заботились о себе, а обнаруживали то, что у них в душах их, и препятствовали русам, когда на них вели нападение сторонники (войска) власти»²⁹.

Обращает на себя внимание тот факт, что русы воевали с политической элитой Бердаа, заключив договор «о мире» с местной знатью. В отличие от викингов, русы не истребляли всех поголовно, а «охотились» лишь за представителями прежней власти. Таким образом, эта война была войной русов против политической элиты Бердаа. И это понятно. В плане у русов стоял захват и закрепление за собой территории, а для этого необходимо было заменить одну политическую элиту другой³⁰.

В. Бартольд пишет, что «взятие Бердаа было совершено более стройными и дисциплинированными силами, чем во время набегов норманнов на христианские и мусульманские города Европы. В рассказах об этих набегях норманны изображаются беспощадными варварами, истребляющими и сжигающими все на пути. Едва ли в Европе был случай, чтобы язычники-норманы при взятии большого города объявляли жителям, что будут охранять безопасность их жизни и имущества»³¹. Случай действительно уникальный, а потому маловероятный. Маловероятный в том плане, что это могли сделать «язычники-норманны». Другое дело, если мы допустим, что перед нами не «язычники-норманны», а «русы-славяне». При этом замечание В. Бартольда о том, что русы действовали как высоко дисциплинированное войско, наводит нас на мысль о том, что во главе его стоял какой-то весьма сильный полководец. Поэтому возникает вопрос о личности предводителя русов. Кто он?

Ответ на этот вопрос некоторые из историков ищут и находят в «Повести временных лет». Приводят знаменитый эпизод стычки интересов дружины Игоря и Свенельда осенью 945 г., когда великокняжеские ратники заявили, что «отроки Свенельди изоделися суть оружием в порты, а мы нази: поиде, княже, с нами в дань: да и ты добудеши и мы. Послуша их Игорь, иде в Дерева в дань». С.М. Соловьев отмечал, что «за год только Игорь возвратился из греческого похода, взявши с греков и золото и паволоки, а между тем дружинники его жалуются, что они наги»³². Это сравнение противоречивых показаний летописи о богатстве Игоря и его бедности заставило С.М. Соловьева даже сомневаться в счастливом исходе второго похода на греков в 944 г. Между тем есть иная интерпретация этого рокового для Игоря конфликта. Выражение «мы нази» не следует понимать в буквальном смысле, а только в переносном: одежда и оружие воинов Свенельда, видимо, были настолько роскошными,

что воины Игоря почувствовали себя в сравнении с ними просто оборванными, не смотря на греческие дары³³.

Справедливо возникает вопрос: где мог Свенельд обогатиться так, что стал состоятельнее князя? Нестор не указывает ни места, где Свенельд добыл оружие и одежду, ни способ обогащения. Он только констатирует сам факт. Богатство Свенельда бросилось Игорю в глаза именно осенью, перед полюдьем, следовательно, он добыл его не в полюдье, не «в древлянах». Именно такова позиция А.А. Шахматова³⁴. Это значит, что осенью 945 г., когда Свенельд с богатой добычей возвратился в Киев, он пришел из какого-то далекого удачного похода³⁵. Свенельд не мог обогатиться в земле древлян или вообще у какого-либо другого племени Руси. Древляне были бедным земледельческим племенем, и у них не было ни роскошных тканей, ни драгоценного оружия³⁶.

Историки давно уже заметили то удивительное обстоятельство, что имени Свенельда нет в договоре Руси с греками 944 г. «Свенельд в X веке был такой политической фигурой, которую не могли обойти или «забыть» при заключении договора. Договор Святослава с Цимисхием заключался от имени Святослава и Свенельда, а при Игоре он играл в политической жизни Руси не менее важную роль, чем при Святославе. Поэтому если в договоре Игоря, в котором перечислено почти 50 послов, о которых больше нигде не упоминается, нет имени Свенельда, то это говорит о том, что его в момент заключения договора не было в Киеве»³⁷. Вывод, который делается историками на основе этого факта, гласит, что именно Свенельд являлся военным вождем похода русов на Бердаа 943/4 гг. Об этом, в частности, говорит совпадение имен предводителя русов у Низами – «Кинтал» и «Свенельд»: Свенкельд – Сфенкал – Кинтал (или Квинтал). Логически этот вывод вполне верен. Но есть одно «но». Арабские источники сообщают нам, что русы покинули Бердаа лишь тогда, когда у них погиб (или умер) их предводитель³⁸. А Свенельд, как известно, вернулся на Русь в начале или в середине 945 г. Так кто же погиб тогда в Бердаа?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны выяснить еще один момент. Русы собирались создать в Бердаа свое княжество. Следовательно, во главе этого княжества должен был стоять князь. В представлении средневекового человека князем стать было нельзя. Им надо было родиться. Следовательно, Свенельд никак не мог претендовать на роль князя «Русского Бердаа». Значит, был некто, кто изначально предназначался на эту роль. Иными словами, в войсках Свенельда (который, несомненно, был военным руководителем всего этого похода) был урожденный князь (говоря современным языком, – «знаковая политическая фигура»), желательнее – прямой родственник великого князя Игоря. Эта фигура должна была быть всем хорошо известна, то есть быть на слуху. Так кто же это?

Наш ответ – тот, кто вместе со Свенельдом отсутствует в договоре Руси с греками от 944 г. Имя этого человека – князь Улеб, старший, по-видимому, сын князя Игоря (и не обязательно от Ольги), наследник великокняжеского престола. В договоре названа его жена, скандинавка Сфандр, но самого Улеба в тексте договора нет. Есть, правда, некий Улеб, посол некоего Володислава. Но самого князя Улеба в Киеве в момент заключения договора с греками, точно так же, как и Свенельда, не было. Вместо него договор подписала его жена. Отсюда вытекает, что политическая персона князя Улеба была настолько велика, что в его отсутствие его интересы представляла его жена, и поскольку Сфандр именуется в тексте еще его «женой», а не «вдовой», следовательно, в момент заключения договора (осень 944 г.) сведений о гибели ее мужа в Киеве еще не поступало.

Князь Улеб, по всей вероятности, умер в Бердаа именно в тот момент, когда Свенельд поссорился с его отцом в Киеве, то есть осенью 945 г.³⁹ Свенельд ничего еще не знал о судьбе Улеба, иначе между Игорем и ним произошла бы не ссора, а стычка. Игорь мог обвинить Свенельда в том, что он пришел на Русь, оставив на Каспии одного князя Улеба. А это уже равнозначно государственной измене. Игорь, по-видимому, так и поступил, он действительно обвинил своего полководца в том, что тот с большими богатствами пришел из похода, бросив на произвол судьбы тех, кто остался с Улебом на Каспии. И... отправился к древлянам собирать дополни-

тельную дань для того, чтобы по весне организовать новый поход на Каспий на выручку своему попавшему в беду сыну. Если в это время до Свенельда дошли известия о гибели князя Улеба, то он вполне мог «организовать» смерть Игоря в древлянах, для того чтобы возвести на престол своего ставленника, точнее, ставленницу – княгиню Ольгу. При этом не надо забывать, что его сын Асмуд был кормильцем молодого Святослава. Таким образом, результаты Каспийского похода русов в 943/4 гг. стали поводом и причиной к небольшой смуте на Руси, закончившейся смертью великого князя Игоря.

Личность князя Улеба действительно весьма загадочна. Мы знаем, что он был, но нам совершенно не известен его статус в иерархии великокняжеской элиты. Отсутствие о нем сведений как раз и может быть косвенным подтверждением нашей гипотезы о том, что он умер в одно и то же время с князем Игорем, но в далеком от Руси месте – в Бердаа.

Таким образом, если русы и пытались в районе Бердаа создать свое княжество, то это имело место приблизительно с 943 по 945 гг. Что дальше случилось с эти «государством»? По всей видимости, русы потерпели здесь полное фиаско. Это признают практически все исследователи. Обратимся вновь к Л.Н. Гумилеву, который считает, что русы из Бердаа ушли обратно в Хазарию. Но, пишет историк, «на Русь не вернулся ни один, ибо тогда бы летописец не посмел умолчать о столь значительном походе, как не опустил он вторжение русского флота в Малую Азию, хотя поражение там отнюдь не украсило русов»⁴⁰. Кораблекрушение столь огромного флота во время каботажного плавания им тоже отвергается. Остается, по его мнению, одна-единственная версия – очередное предательство хазар: «... в Хазарии, – пишет Гумилев, – действовал закон о смертной казни воинов, не одержавших победы. Русы целиком под него попадали. И нечего – утверждает он, – ломать голову, отыскивая иные причины исчезновения союзного войска, тем более что в 913 г. ситуация была сходной, а конец известен. Тут было даже проще: перебить больных и выздоравливающих совсем несложно, так что акция прошла без шума»⁴¹. Позволим все-таки не согласиться с уважаемым этнографом и «поломать» себе голову над тем, куда же исчезли более 20 тыс. русов?

В рассуждениях Л.Н. Гумилева есть одна логическая ошибка – хазары русов не нанимали, они были союзниками, а значит, и «кровавый закон» на них не распространялся. Это во-первых. И во вторых: русы пытались создать свое государство на Каспии, что никак не могло входить в планы хазарского правительства. Иными словами, у русов на Каспии была своя политика, что лишний раз доказывает их независимость от Хазарии. Гумилев явно экстраполирует на события 943 г. факты похода 913 г. Нам нет надобности придерживаться такой же точки зрения, тем более что у нас есть свой вполне приемлемый вариант решения этой проблемы.

Ответ на вопрос, о том почему русы не вернулись домой, может лежать в той плоскости сложившейся реалий, когда им было выгодно остаться в Прикаспии и как-то самоорганизоваться. Не надо забывать, что война в Бердаа шла исключительно с местной политической элитой. То была война элиты против элиты. Поэтому у нас есть все основания считать, что вместе с князем Улебом пало и все его ближайшее окружение, и вся его знать (бояре). Оставшиеся без начальства рядовые русы могли предпочесть княжеской власти – власть самоуправляющуюся. Где они могли в таком случае закрепиться? Самым удобным (и привычным) для них местом были берега рек Терек и Кубань (впадавших в Каспийское и Черное моря). Искусство мореходства обеспечивало им фактическую безопасность в их спорах с туземцами, а воинственный нрав делал их самодостаточной политической организацией; а так как русы были представлены в основном мужской половиной (воины), то у них был высок шанс ассимиляции с местными красавицами – или ими полоненными, или по добровольному сговору ставшими их супругами. Так через 2–3 поколения русы как этнос могли видоизмениться до неузнаваемости. Наш намек на то, что казаки вполне могли произойти от этих русов, весьма очевиден, но это всего лишь намек. Нужны доказательства. Есть ли они? Мы отыскиали пока всего лишь четыре аргумента в пользу высказанной выше гипотезы.

(1) В качестве первого аргумента в пользу вторичной попытки русов закрепиться на Каспии или Северном Кавказе можно упомянуть то обстоятельство, что именно в это время резко испортились отношения между Хазарией и Русью. Недавние союзники вновь стали злейшими врагами. Этот поворот в геополитике Хазарии мог быть вызван тем, что русы не ушли к себе домой после неудачной попытки закрепиться в Бердаа, а обосновались на Северном Кавказе, на территории исконной «Старой Хазарии», то есть где-то в районе Семендера. Тогда должна была последовать война Итиля против этих русов, что, очевидно, и произошло. Царь Иосиф никак не мог смириться с появлением т.н. «Кавказской Руси», но он не имел самого важно-го – флота, без которого он не мог разгромить русов даже на Тереке и Кубани.

(2) Одним из возможных ответов на этот вопрос может также быть поход 965 г. на Хазарию князя Святослава. По своей политической направленности этот поход напоминает экспедицию русов в Бердаа 943–945 гг. А.Н. Сахаров пишет, что «Святослав стремился, но в более широких масштабах, повторить опыт овладения Бердаа в 945 году»⁴². Разгромив главные части хазар около Итиля, Святослав совершает затем поход на Белую Вежу, а уже потом отправился в поход по Северному Кавказу, к Семендеру и Каспию. Таков, во всяком случае, сценарий, изложенный в «Повести временных лет»⁴³. Зачем Святославу понадобилось вновь идти к Каспию? Почему он сразу не ушел на него после разгрома Итиля? Более того, расправа Святослава с Хазарией выглядит как личная месть. В политике средневековых монархов всегда надо искать личные мотивы. В качестве такого личного политического мотива могла выступать месть князя Святослава за погибшего на Каспии брата Улеба⁴⁴. Тогда получается, что Хазария пришла на помощь своим врагам в Бердаа, дабы общими усилиями вытеснить нового геополитического игрока из зоны их традиционных политических интересов.

Если бы русы тайком вернулись к себе на родину, то слух об их возвращении все равно рано или поздно дошел бы до Киева. Но в Киеве о них упорно молчали. Следовательно, после ухода из Бердаа они попытались закрепиться где-то еще – в районе Каспийского моря или в предгорьях Северного Кавказа.

(3) Еще одним косвенным отголоском существования «Каспийской Руси» было то, что русами спустя некоторое время был создан ее черноморский аналог – княжество Тмуторокань (бывшая хазарская крепость Белая Вежа). Могут возникнуть подозрения относительно того, что именно в этом районе окончательно и обосновались русы после своего каспийского похода 943–945 гг., только в Тмуторокани, в отличие от Бердаа, у них все получилось как нельзя лучше.

(4) Еще более косвенным свидетельством того, что русские пытались закрепиться на берегах Каспия и Северного Кавказа в середине X в. и закрепились там, может быть одно весьма странное свидетельство XVI в. «Германо-австрийский» посол в Московии С. Герберштейн, описывая обитателей предгорья северного Кавказа, – «черкесов», или «циков», – пишет, что этот народ, полагаясь на неприступность своих гор, не подчиняется ни туркам, ни татарам. «Однако русские свидетельствуют, – замечает далее барон, – что они христиане [живут по своим законам], согласны с греками в вере и обрядах и совершают богослужение на славянском языке, который у них в употреблении [Выделено мною. – П.К.]. Это крайне дерзкие морские разбойники, ибо по рекам, стекающим с гор, они спускаются на судах в море и грабят всех, кого могут, в особенности плывущих из Каффы в Константинополь»⁴⁵. Наше внимание особенно привлекает тот факт, что эти самые пираты фактически контролируют водные пути Кубани, а возможно, и Терека. Удивляет нас также и то, что горцы (живущие в «непреступных горах») оказываются еще и прекрасными мореходами (пиратами), наводящими страх на бассейн Черного моря. История таких сочетаний – одновременно и «гордый горец», и «дерзкий пират» – практически не знает. Не ошибается ли здесь С. Герберштейн?

Нас особенно смущает то, что описанные им черкесы не похожи на самих черкесов. С. Герберштейн уверенно заявляет о том, что эти самые «черкесы» (со слов самих же русских) являются православным народом, употребляющим в быту «славянский язык» (!). По-видимому, ошибка немецкого дипломата заключалась в том,

что он назвал жителей Кубани и Терека «горцами», автоматически перенес на них название их соседей. Возможно (а нам здесь остается только предполагать), что черкесы и эти самые «кубанцы» проживали совместно, были союзниками и могли в некоторых случаях (при отражении внешней опасности) выступать под одним общим названием. Уж больно описанные С. Герберштейном «кубанцы» напоминают нам древних русов – мореходы, пираты, и весьма буйный народ. Не являются ли эти «кубанцы» этническим осколком русов X в., пытавшихся закрепиться в Каспийском регионе? Действительно, после неудачи под Бердаа русы могли уйти к своим союзникам аланам и закрепиться в области Кубани и Терека. Такое предположение крайне заманчиво и нуждается в дополнительных уточнениях.

Сразу же возникает вопрос: почему русы не вернулись к себе на родину? Почему они остались в Каспийско-Кавказском районе? Здесь может быть целый ряд объяснений, главное из которых – полная гибель военной элиты этого похода. Ведь война в Бердаа, как нами уже было показано выше, шла как «война элит», а не как война двух «военных организмов». Тогда дезорганизованные русы, лишённые своих князей и бояр, могли создать что-то вроде «казацкой вольницы» и действительно начать совершать набеги по маршруту «река–море» на Каспий и Понт.

Выводы, к которым мы приходим, могут быть сведены к констатации следующих постулатов: (1) Поход на Бердаа в 943 г. явился следствием русско-хазаро-аланского союза против мусульман Каспия; (2) русы в 943–945 гг. пытались создать на берегах Каспия свое самостоятельное княжество и потерпели в этом деле неудачу; (3) военный предводитель русов Свенельд вернулся со своей дружиной в Киев, а оставшийся на княжении в Бердаа князь Улеб погиб во время одной из стычек с местным населением; (4) после гибели своего князя русы предпочли покинуть Бердаа, закрепиться где-то в районе Терека и Кубани и создать там свою «вольницу»; (5) поход Святослава на Хазарию 964–965 гг. стал своего рода мстью за погибшего в Бердаа князя Улеба.

Таким образом, уже начиная с X в. русы проявляли весьма активное внимание к государствам Каспийского моря и стремились наладить как торгово-экономические, так и политические контакты со странами и народами этого региона. Возможно, что отголоски этих контактов всплыли в народной памяти через шесть столетий и легли в основу «русской национальной» политики уже Московского государства (XVI–XVII вв.)...

¹ *Половой Н.Я.* О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г. // *Гумилев Л.Н.* Сочинения. М., 1998. Т. 11. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 493.

² *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и великая степь. М., 1992. С. 133–134.

³ См.: *Кулаковский Ю.* Христианство у алан // ВВ. 1880. Т. 5. С. 7.

⁴ См.: *Васильев А.* Византия и арабы. СПб., 1902. Приложение. С. 24.

⁵ *Коковцев П.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 117–118.

⁶ См.: *Бруцкус Ю.Д.* Письмо хазарского еврея от X века. Берлин, 1924. С. 16, 17–18.

⁷ *Гумилев Л.Н.* Указ. соч. С. 125.

⁸ Там же. С. 126.

⁹ См.: *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 829; *Мавродин В.В.* Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949. С. 47.

¹⁰ *Гумилев Л.Н.* Указ. соч. С. 126–127.

¹¹ См.: *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: Статьи, переводы и комментарии. Харьков. 1956. С. 147.

¹² См.: *Геркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 133.

¹³ *Гумилев Л.Н.* Указ. соч. С. 128.

¹⁴ См.: *Ковалевский А.П.* Указ. соч. С. 141–146.

¹⁵ *Русское народное поэтическое творчество.* Хрестоматия. Л., 1987. С. 309.

¹⁶ Остается, правда, для нас загадкой таинственный «морской царь» Каспия, которому новгородцы платили дань. Возможно, под ним скрывается хазарский Игиль. Но мы знаем, что хазары своего флота на Каспии не имели, и поэтому эпитет «морской царь» так до конца на сегодняшний день нами истолкован быть не может.

- ¹⁷ См.: *Насонов А.* Тмуторокань в истории Восточной Европы X в. // Исторические записки. 1940. № 6. С. 86–87; *Семенов-Зусер С.* Князь Святослав. Харьков, 1946. С. 12; *Мавродин В.* Русское мореходство на южных морях. Симферополь, 1955. С. 54; *Рыбаков Б.К.* К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // Советская археология. 1953. Т. 18. С. 132; *Очерки по истории СССР.* М., 1953. Т. 1. С. 83–84.
- ¹⁸ См.: *Дорн Б.* Каспий. СПб., 1875; *Григорьев В.* Россия и Азия. СПб., 1876; *Якубовский А.* Ибн Мискавейх о походе русов в Бердаа в 322 г. – 943/944 г. // ВВ. 1926. Т. 24.
- ¹⁹ *Дорн Б.* Указ. соч. С. 499.
- ²⁰ *Низами.* Искандер-наме / Пер. К. Липскерова. Баку, 1953. Т. 1.
- ²¹ См.: *Дорн Б.* Указ. соч. С. 498; *Григорьев В.* Указ. соч. С. 286.
- ²² См.: *Низами.* Искандер-наме... С. 351, 363; *Дорн Б.* Указ. соч. С. 501.
- ²³ См.: *Кокорцев П.* Указ. соч. С. 123.
- ²⁴ *Дорн Б.* Указ. соч. С. 498.
- ²⁵ *Артамонов М.И.* Воевода Свенельд // *Культура Древней Руси.* М., 1966. С. 33. По данным Масуди, русов могло быть гораздо больше – от 35 до 50 тыс. См.: *Рыбаков Б.А.* Военное дело // *История культуры Древней Руси.* М.–Л., 1948. С. 400.
- ²⁶ *Гумилев Л.Н.* Указ. соч. С. 131.
- ²⁷ См.: *Бартольд В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925. С. 40–41; *Бартольд В.* Арабские известия о руссах // Советское востоковедение. 1940. Т. 1. С. 34; *Половой Н.Я.* Указ. соч. С. 495.
- ²⁸ Данный пассаж заслуживает нашего более пристального внимания, так как указывает на то, что Хазария и мусульманские государства Каспия вели, скорее всего, не столько торговую, сколько именно религиозную войну. Религиозные противостояния между иудаизмом и исламом обострились еще в 20-е гг. X столетия. Тогда в 922–923 гг. мусульмане разрушили синагогу в городе Дар-ал-Бабунадж. В ответ на это в Итиле хазары снесли минарет и казнили всех муздинов. Своим заявлением о веротерпимости русы старались подчеркнуть, что они не участвуют в этой «религиозно-торговой» войне, а преследуют свои, иные, нежели чем у Хазарии цели. Русы подчеркивали, что религиозная вражда иудейской Хазарии, и мусульманских стран Каспия их не касается и они находятся вне ее.
- ²⁹ *Якубовский А.* Указ. соч. С. 65–66.
- ³⁰ Примерно так обстояло дело в 882 г. в Киеве, когда князь Олег, убив Аскольда и Дира, обезглавил политическую элиту киевлян и сам взошел на престол. Местная знать Бердаа поддержала русов (точнее – приняла сторону нейтралитета), но низы, напротив, выступили на стороне прежней «законной» власти.
- ³¹ *Бартольд В.* Арабские известия о руссах.... С. 34.
- ³² *Соловьев С.* История России. СПб., 1874. Т. 1. С. 326.
- ³³ *Половой Н.Я.* Указ. соч. С. 499.
- ³⁴ *Шахматов А.А.* Розыскание о древних русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 363.
- ³⁵ *Половой Н.Я.* Указ. соч. С. 500.
- ³⁶ Археологические раскопки в древлянской земле обнаружили только примитивные топоры, ножи и стрелы. «Почти полное отсутствие оружия в древлянских могильниках свидетельствует лишь о том, что воинственность им была чужда». В земле древлян не было найдено ни одной монеты! Это дало В.Б. Антоновичу возможность предполагать, что «торговые сношения носили характер торговли меновой». (*Антонович В.* Древности юго-восточного края. Раскопки в стране древлян // МАР. 1893. № 11. С. 20, 21).
- ³⁷ *Половой Н.Я.* Указ. соч. С. 500.
- ³⁸ *Артамонов М.И.* История хазар. М., 1976. С. 374–380.
- ³⁹ Точную дату гибели Улеба, а значит, и «Каспийской Тмуторокани» определить нелегко. По косвенным данным это могло быть время между подписанием договора с греками (осень 944 г.), когда Свенельд был еще на Каспии, и его ссорой с Игорем (осень 945 г.).
- ⁴⁰ *Гумилев Л.Н.* Указ. соч. С. 131.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 98.
- ⁴³ *Повесть временных лет.* М., 1950. Ч. 1. С. 47.
- ⁴⁴ Впрочем, у нас есть основания думать, что Улеб и Святослав могли и не быть братьями, детьми одного отца. Уж больно ясно в «Повести временных лет» прописано, что князь Игорь был слишком стар, а Святослав слишком молод. Улеб по возрасту как раз находился между ними посередине. Поэтому у нас может закрасться подозрения относительно того, что Игорь не был отцом Святослава. Его отцом вполне мог быть князь Улеб, по смерти которого Святослав и унаследовал титул наследника великокняжеского престола. Вполне могло быть, что Игорь и Ольга усыновили внука, сделали его своим приемным сыном. В пользу этой гипотезы свидетельствует также самая тесная связь Свенельда вначале с Улебом, а затем и со Святославом.
- ⁴⁵ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 181.